

ДЖЕРРИ ЕЛЕНКО

17 ПРИЗНАНИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джерри Еленко

17 признаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63724646

SelfPub; 2021

Аннотация

Добро пожаловать в мир автора. Здесь все самые сумасшедшие идеи и запрещённые темы соединены в одно произведение. Разрыв общепринятых норм морали, устоявшихся шаблонов и стереотипов. 17 признаний – сборник рассказов, герои которых – обыкновенные люди, не побоявшиеся рассказать о своих слабостях, пороках, безответной любви и сумасшедших происшествиях. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Наказание	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джерри Еленко

17 признаний

Наказание

Он называл меня Верусиком, мол:

– Верусик, закрой дверь, дует!

Какой у него был забавный нос! Ноздри как у дракона.

Смешные и симпатичные.

– Верусь, твои волосы по всей квартире раскиданы. Я устал подметать.

Полгода назад нас познакомила Варя. Она списывалась с Пашей в чате «Найти судьбу» и решила устроить свидание в Битцевском парке.

В итоге она сказала, что у неё недостаточно стройные ноги и слишком плоская грудь. Ещё она прибавила про хрипотцу в голосе. Как я поняла, она нарочно отказывалась идти.

– Да просто не иди. Он же всё равно одноразовый. Похудеешь, сделаешь грудь, пропьёшь таблетки от ларингита и будешь как новенькая, – сказала я.

Но надо знать мою Варьку – она, если планирует, то не подведёт. Однажды эта чудилка с сорокоградусной температурой пришла на мой день рождения и подарила мой самый

любимый купальник. Правда, потом я целую неделю лежала и отхаркивала зелёную мокроту.

Дело в том, что она отправляла Паше мои фотографии. Я должна была подыграть. Но, чёрт возьми, у меня на тот момент уже был парень!

На это Варя спокойно заметила:

– Ручаюсь за то, что твой не узнает.

Наболтали Илье, что идём на день рождения Катьки. На самом деле я пошла на свидание вслепую. Спасибо Вареньке. Круто же эта лиса устроила мою жизнь.

Оказалось, что Вера – Пашино любимое имя. Он рассказал, что его маму, бабушку и обеих сестёр так зовут.

Вот так я с ним и сошлась. Илью я кое-как вычеркнула из своей жизни, сказав правду:

– Я полюбила другого. Твоего репетитора по английскому. Да, так действительно совпало.

Я не знаю, ушёл ли в себя мой бывший или остался оптимистом. Отчётов о его судьбе мне никто не предоставил.

А я ходила безумно счастливая со своим Пашкой.

Он очень любил меня радовать. Каждый день, будь то утро, обед или время перед сном, слал откровенные фотографии. Забыла сказать: я поселилась в его квартире.

Иногда, сидя в разных комнатах, мы набирали друг друга и устраивали секс по телефону.

– Верусик, сегодня восьмое марта. Это тебе, любовь моя! – сказал Пашка и протянул огромного мягкого салатowego кро-

кодила. – И ещё вот это. Тоже для тебя.

Не скажу, что он там мне подарил, но оно блестит у меня на сосках. Прямо сейчас, под маечкой.

Он любил готовить салат, название которого я не запомнила, но и не переспрашивала, потому как решила, что рано или поздно вспомню сама. Как обычно бывает: идёшь так себе, идёшь и тут ЩЁЛК! Очень жаль, что так и не щёлкнуло.

Один раз Пашка отпустил бороду. Я долго уговаривала его состричь эту мочалку и смыть в унитазе. Он повторял каждый день:

– Верусик, я состригу мочалку. Вера, я состригу её.

Знаете, он ведь состриг. Чтобы ничего не дарить на Новый год. Он решил состричь мочалку и сказал, что сделал отличный подарок. Выходит из душа и стоит без бороды. На шею бантик красный повязал.

– Как тебе подарочек? – спросил Пашка. – Нравится?

А я, будто умалишённая, хлопаю в ладоши, словно на новогодней ёлке, и смеюсь с его выходки. Какой находчивый у меня Пашка.

Я варила кофе с молоком каждое утро. Я знала, что он просыпается в девять, и ради этого поднималась за пятнадцать минут, шла на нашу кухню, перемальывала зерна на старой кофемолке и ставила турку на огонь. Я сидела и ждала, пока сварится ароматный чёрный кофе. Когда я наливала в чашку молоко, Пашка, по обыкновению, уже останавливался в дверном проёме и каждый раз говорил:

– С добрым утром, Верусик!

Он мылся, чистил зубы и садился пить.

Я готовила для него самые разные разности. Запеканку с баклажанами, сыром и базиликом, манную кашу, овсяный блин с кленовым сиропом, спаржу с салатом айсберг, оладьи из кефира и укропа, цветную капусту и брокколи на пару. Но Пашка набирал лишние килограммы. Я чувствовала, что не моя еда тому виной.

Натуральный кофе по утрам радовал Пашку, а он радовал меня своей заботой и добротой.

Когда я интересовалась, где ещё кроме дома он питается, Пашка отвечал:

– Больше нигде.

Мы гуляли по центральным улицам, изучали новые экспонаты на выставках и участвовали в занимательных играх по выходным. Когда я пошла в кружок самодеятельности, Пашка стал возражать.

– Верусь, ну это же пустое времяпрепровождение! Это ведь деньги на ветер!

Он говорил, что хочет каждый день после прогулок приходить домой, слушать музыку, ужинать и смотреть кино.

Каждое утро я варила кофе. На обед готовила запеканку. По обычаю, вкусную-превкусную, с баклажанами, сыром и базиликом. На ужин я делала для Пашки салат из пекинской капусты и фасоли.

Однажды ночью Пашка встал с кровати и вышел на кух-

ню. Наверное, он подумал, что я сплю, однако я тайком подкралась к двери и прижалась. Старалась не дышать и вращать ногами в пол, чтоб тот не скрипел.

Я наблюдала, как Пашка бросал жёлтый прямоугольник лапши «Доширак» в плошку с кипятком и стоял ждал, когда лапша разбухнет. Потом он налил в плошку соус и подсолнечное масло, посолил, добавил кубик «Магги». Из-под раковины достал копчёную колбасу, белый хлеб для бургеров, майонез и горчицу, стараясь всё делать как можно тише. Пашка даже научился жевать с закрытым ртом. В это время я стояла за дверью и подсматривала в маленькую щёлку. Я едва сдержалась, чтобы не ворваться и не разметать всё к чертям собачьим. Обида и неприязнь – вот что одолевало мои чувства. Отношение Паши к еде и здоровью было демонстративно выплеснуто горячей порцией вонючего «Доширака» в мою сторону.

Я опять встала на пятнадцать минут пораньше, чтобы сварить кофе. На запотевшем окне я решила нарисовать сердечко. Пашка вышел из комнаты, увидел рисунок и сказал:

– Доброе утро, Верусик!

Я знала, что люблю его, даже после того, как он отреагировал:

– Верусь, ну вот зачем? Я и так знаю, что ты меня любишь. Стекло-то зачем пачкать? Не трогай больше стекло.

Он выпил кофе и съел рисовую кашу на соевом молоке.

На выставке мы рассматривали новую коллекцию бабо-

чек.

Потом мы пришли домой, Паша включил музыкальный центр, лёг на кровать и подозвал меня.

Мы лежали так немного. Я помяла его уши. Я очень любила к ним прикасаться, потому что таких нежных и мягких ушей ни у кого не встречала.

Утром я сварила чёрный кофе и снова ждала, когда он выйдет и скажет: «Доброе утро, Верусик».

А он вышел и сказал.

Пашка пил кофе, ел лёгкий овощной суп. Вечером мы вернулись с очередной выставки. Он включил музыку и позвал лечь рядом. Пашка обнял меня и потрепал мой пирсингованный сосок.

– Паш, – поворачиваюсь к нему, – а подари мне новые украшения!

– Не подарю, Верусик.

Но на следующий день меня на кухне, прямо в тарелке с горячими гренками, ждали серебряные колечки.

Вот какие сюрпризы он любил.

– Паша, а ты точно меня не дуришь? – спросила я после очередного похождения на кухню, за которым снова подсмотрела ночью.

– Что, Верусь?

Самое страшное то, что я доверяла Пашке. Даже когда находила у него в кармане женские сигареты «Вог». Он отвечал, что действительно курит такие.

В его карманах были найдены чупа-чупсы и жевательные конфеты. Зефир и козинаки с налипшим мехом от кармана куртки. Чеки из Макдональдса и КФС. И снова женские сигареты. Несколько раз я ломала их прямо в его кармане. Табак сыпался, и от моих рук ужасно воняло.

Как-то раз я прихожу домой и застаю Пашку, привязанного за руки и за ноги верёвками к кровати. Он не мог освободиться и начать говорить, потому что рот был заклеен весьма прочным, толстым слоем из пластырей, скотча и широкой липкой ленты. На матрасе было жёлтое пятно и пахло солью и сыростью. Свет был погашен, шторы опущены. Комната приобрела к вечеру жутковато-тёмный, мрачный вид. Я решила, что шторы нужно срочно открыть. Этим я и занялась, как только прошла в комнату.

Я чувствовала, что Пашка смотрит на каждое моё движение. Это чувство было где-то внутри тела, а может, окружающего пространства.

Теперь я хорошо могла разглядеть следы от верёвок на запястьях. Он растёр их, когда пытался освободиться. Скорее всего, думал, что сможет порвать верёвки резкими рывками.

Легонько, с улыбкой на лице я подкралась пальцами к его голым ступням и начала щекотать. Пашка всегда боялся щекотки.

Его тело то поднималось, то шмякалось на кровать. Оно билось, извиваясь змеёй, стучалось о матрас. Такой скорости сложно было ожидать от Пашки, ведь в постели он всегда

был чересчур медлительным. Я не к тому, что это плохо. Это, наверное, даже слишком хорошо.

Пашка вихлялся как червяк, поскуливая что-то через заклеенный рот. Его челюсть сводило. Он пытался снова и снова раскрыть рот, чтобы порвать скотч и ленты. Было видно, как у него ничего не получалось и как грозно, словно отважный гладиатор, бился он за свободу и честь.

Я колебалась, то приходя в ужас, то возвращаясь к рас судку. В его глазах метался вопрос, словно хотел вылететь сквозь глазное яблоко и прошмыгнуть пулей через зрачок: «Как ты посмела?»

Но я бы сказала, что на глупые вопросы не отвечаю.

Много раз Пашка снимал меня на камеру. Он подглядывал, как я моюсь. Пашка устанавливал камеру на полу ванной комнаты, чтобы охватить меня во весь рост. Приходилось делать вид, что я не замечаю. Я полагала, он просматривает эти записи, когда мы не рядом. Скучает по мне, любит, не забывает.

Как дверь душевой ни открою, так взгляд сразу же в правый нижний угол. Там ждёт-поджидает в водонепроницаемом силиконовом чёрно-желтом чехле Пашкин записывающий андроид, прикрытый половой тряпкой. Наивный Пашка.

Сначала меня это забавляло так, что я каждый день ждала очередного похода в душ. Мыться стала не два, а три раза. Он повторял, что ему очень нравится моя иссушенно-кост-

лявенькая фигура. Спустя пару месяцев я узнала, что видеозаписи рассылаются его подругам. После раскрытия сего промысла он начал проявлять агрессию.

– Неужели ты не видишь, до чего довело это ебаное вегетарианство?

– Когда-то, Паш, ты Алинке отправил два видео, а потом ещё файл, – спокойно и холодно проговариваю я, не двигая пальцами по его ступне, чтобы дать вспомнить. – В том файле были вложения со всеми остальными видео. Их было девяносто три.

Я наклонила голову к его рту и почувствовала запах ацетона. Этот запах исходит от тех, чей организм испытывает голодание, отсутствие важных микроэлементов, недобор веса. Запах, напоминающий лук. Войдя в Пашкино положение, мне не было противно. Я учла, что он физически не может открыть холодильник или заказать доставку.

– Выходит, ровно тридцать один день подряд ты записывал мои водные процедуры.

Я смотрю на то, как быстро он кивает. Так кивают люди, которые хотят в чём-то признаться. Признаться в своей вине. Отважный поступок.

У Пашки был болезненный вид. Я решила прекратить щекотливые пытки. Первое, что пришло в голову: налить в стакан воды и дать ему выпить. Я наполнила стакан и вернулась.

Пашка снова попытался дёрнуться, но ничего, как обычно, не вышло.

Я посмотрела на заклеенный рот и испытала «кошек» внутри себя. Если я решила напоить его, мне придётся сорвать ленты и скотч, но так не хотелось причинять ему боль. У него повредится кожный покров и повсюду будет кровь. Придётся мучиться, лечить раны, и мы еще долго не сможем целоваться.

– Паша, я боюсь срывать скотч. Я боюсь, что тебе будет больно. У меня рука не поднимется.

Его понимающий взгляд спокойно и плавно ходил вдоль комнаты. Он рассматривал, казалось, все вещи на полках, все игрушки, которые когда-то мне подарил. Теперь мне предстоит причинить ему, быть может, самую сильную за всю жизнь боль. Я боюсь его губы оторвутся вместе со скотчем и повиснут у меня в руке. Я не хочу держать Пашкины губы.

– К-к-то это с-с-с-делал?

Но он лишь бестолково, равнодушно кивнул и закрыл глаза. На лице растопилась, как мороженое на жаре, удовлетворённая улыбка. Если это горячка – дело близится к финалу.

– Паша, взгляни на меня, Паша, скажи, кто это мог сделать? – он смотрит пустыми глазами. – Откуда мне знать, с кем ты там дружил на стороне. Я понятия не имею, кто мог войти в наш дом и надругаться над тобой.

Я должна была выслушать то, что скажет Пашка. Но как только представляла оторванные губы, слышала звоночек в мозгу, вызывающий толкательный эффект, из-за которого

мой мисо-суп, съеденный в обед, стремительно подкатывал к горлу.

Выходило что-то странное. Я не знала, чего хочу больше: услышать, что скажет Пашка, или забрызгаться кровью. Мне никогда в жизни не было так тяжело, как сейчас.

– Я тебя люблю, Пашка!

Но в ответ слышу только:

– Гм! М-м-м-ма! Хы-ы-ыха-а! М-м-м-мы!

Я говорю, что меня тоже надо любить.

Потом я спросила, не было ли при себе у насильника острых и ядовитых предметов и не оставлял ли он в комнате жучок.

С нижних этажей доносились звуки ругани и бьющейся посуды.

– Вот что бывает, – говорю я, – когда заканчивается любовь. Я бы ни за что не кричала на тебя, если бы ты слушался.

Пашкины глаза делают соглашающийся кивок, но одновременно они словно хотят прогнать меня отсюда.

Я оставила его в комнате, а сама прошла на кухню. Там я достала большую сковородку, налила кокосового масла и разожгла конфорку.

Через несколько секунд раскалённое масло затрещало. Я хотела, чтобы до Пашки доносился звук готовящейся еды, и подлила ещё немного масла. Треск поднялся оглушительный. Я открыла дверцу холодильника, вытащила две длинные молочные сосиски с сырной начинкой. Очистив от неж-

ной тонкой плёнки, я уложила их на раскалённую, трещащую сковороду. Масло зашипело, обрабатывая розовую кожуцу. Жирные капли умудрялись стрелять до потолка и несколько раз обжечь мне руку. Огненные плевки.

Для того чтобы сосиски хорошо прожарились, следует ждать четыре минуты.

Я сняла сковородку с плиты и поставила на деревянную, моментально почерневшую подставку для чайника.

– Я принесла тебе еды. Помнишь, я всегда варила веганское дерьмо, безвкусные каши, пропаренные репы, кислые овощи, рагу, похожее на блевотину? Но сегодня я сделала исключение в виде этого, – я приподняла сковороду так, чтобы обе красавицы-сосиски подкатились к бортику, а масло капнуло на одеяло возле Пашкиной ноги. – Разрежу на кусочки или проглотишь целиком?

Его глаза, они будто вместо рта выделяли обильную слюну. Он наблюдал за блеском соевой кожуцы. Он с жадностью смотрел на аппетитные дырочки, из которых сочился светло-жёлтый плавленый сыр.

– Я сниму первую пробу, – и, получив привычное молчание в ответ, беру одну сосиску двумя пальцами и надкусываю. Сок прыснул Пашке на грудь, оставив на голубой майке мелкие жирные капельки.

Пашка старался перевести взгляд с меня на окно, но, когда он это делал, я брала сковородку и шла к окну. Когда переводил на дверь, я направлялась к ней.

Потом Пашка закрыл глаза. Попытка сыграть потерявшего интерес мальчика прошла крайне неудачно.

Я стала громко откусывать сосиску со обеих сторон, причмокивая и издавая звук: Мням-мям-мям!

Подсев поближе, я сказала, что как только доем, сразу освобожу ему рот, чтобы накормить как следует. Запах жареного соблазнял Пашку. Он выбрал тактику «терпение» и больше не отворачивался.

Я поцеловала его в нос маслянистыми, горячими губами. Я решила взять вторую сосиску, но поскольку всегда умела тормозить свои хотения, сразу включила мысль, что могу не есть по четыре дня, и убрала измазанную в жире и пахнущую соей и маслом руку ловким рывком.

– Хорошо, когда тело испытывает чувство голода, – проповедую я. – Тебе всё равно, что ты ел с утра. Тебе всё равно, что ешь на ужин. Это тренируется, оттачивается. Заглушается инстинкт хотения. Вечером, когда особенно голоден, приучи себя есть меньше, чтобы лечь с пустым желудком, – Пашка слушает и сглатывает слюну, перемещая взгляд с меня на перекатывающуюся в сковородке сосиску. – Тогда завтрак станет невероятно желанным.

– Надо учитывать важный фактор. И этот фактор – утро. Ты можешь проснуться очень рано от убийственного чувства голода. Не очень-то здорово подниматься в пять и целый день шататься сонной мухой. Ты просто учишься терпеть. Терпеть, как раб терпит побои своего господина. Тер-

пишь – срываешься. Терпишь – и срываешься уже не так часто. В итоге ты терпишь окончательно.

Пашка нервно переводит взгляд на сковородку. Казалось, он больше не сможет выдерживать. Но я чувствую каждое его состояние. И если будет предел, это станет заметно. Мой намётанный глаз всегда ловит подобные мелочи.

– Хы-ы-ы-ы-ы, – кивает он жалобно.

Голова его стала такой маленькой, словно детский кулачок, а шея исхудала так, что от малейшего напряжения вены выступали как натянутые тросы.

– Нет, миленький, нужно перейти барьер, – нежным, заботливым голоском убеждаю я. – Терпение преодолевает голод, – пытаюсь говорить всё, чтобы склонить его на свою сторону. – Думай о рвоте, о протухших яйцах, о гнилой рыбе.

Пашка стал сильно вертеть головой в обе стороны: влево-вправо- влево-вправо-влево-вправо.

– Думай о свернувшемся молоке, о плесени на сале. Только подумай, как отвратительна бывает еда, – меня несёт, и я теряю тормоза. – Думай о пенках в манной каше, о комочках. Представляй, что в каждом комочке под покровом манки спрятано тухлое яйцо. Представь лужу рвоты. Почувствуй, как она пахнет. Слушай запахи. Ощущай их вкус. Представь, как рвота растекается по твоим рукам и ногам. Представь вкус желчи. Проглоти эту желчь!

Его дыхание постепенно замедлялось, а волнение уходило с лица.

– Как давно у тебя урчал желудок? – я прикладываю ладонь к его забрызганной жиром майке.

Пашка закатил глаза и поднял брови. С видом человека, пытающегося покопаться в памяти, он спокойно промямлил:

– М-м-м-м-мум-м-мам.

Я переспрашиваю:

– Утром?

В ответ получаю сумасшедшей скорости кивания и знаки согласия. Я говорю ему, что осталось совсем немножко, и глажу волосы, которые успели сильно засалиться.

– Техники, как правило, никакой нет. Всё напрямую зависит от нашего организма. От его характера и поведения. Способен ли ты вынести голод – решает твой мозг. Знай только, что мозг умеет и любит перестраиваться на любой лад, лишь бы шевелиться и работать. Для того он нам и даётся.

Пашка слушал меня внимательно.

– Чтобы было легче в бою, сперва надо привыкнуть. Позже ты сумеешь неделями обходиться без мяса, сладкого, мучного, солёного, круп, овощей, фруктов. В твоём рационе будут фигурировать лишь жидкости. Они низкокалорийные и легко усваиваются. Это может быть всё – от кока-колы до пива. Запомни, всё, о чём твердит Минздрав – бред. Он наш самый злейший враг. Люди придумали себе страхи с целью угодить другим. Всё, что ты знаешь о своём организме, равняется нулю. Ты совершенно ничего о нём не знаешь. Как и все мы. Он может внезапно выдать любую херню – от лёгкого

недомогания до оторвавшегося тромба. Ты должен выдрессировать организм.

Пашка позеленел от голода, как капуста, но это не значит, что он умирает. Это значит, в него надо запихать еды.

Вдруг меня оглушает, сбивая с мысли, глубокий, страшный, резкий, ревуший звук. Я выпучила глаза и потерялась в пространстве. Трясущимися руками я, ведомая рефлексией, закрыла рот. Этот звук был похож на включенный советский пылесос, простоявший не один десяток лет в подвале, который своим оглушительным запуском разбудил весь дом, разогнал кошек и собак по углам и вызвал проклятую головную боль на оставшийся день. Этот страшный звук, он, блять, каким-то образом вышел из Пашки.

Быстрыми отрывистыми движениями дрожащих рук я прощупала его тело, затем соскочила с кровати и ринулась на кухню за ножом. Обратно я, поскользнувшись на линолеуме, упала плашмя на кровать. Лицо уткнулось в пятно засохшей мочи.

Я принялась резать плотные веревки на его синих, с мотающейся кожей запястьях. На это ушло около двух минут. Пашка дёрнул плечами и выкарабкался из оставшихся, не до конца срезанных, истончившихся верёвок. Резко сгибать или опускать руки он не стал, ведь им надо привыкнуть, а крови – равномерно распределиться и зациркулировать. Сперва левую, затем правую, он согнул руки в локтях. Потом разработал круговыми движениями кисти и несколько

раз согнул-разогнул пальцы.

Потом он выпрямился, сел и подцепил кончик верхнего слоя скотча. Рот растянулся медленно и волнообразно слева направо. Затем то же самое он повторил с двумя оставшимися слоями.

Прямоугольный грязный отпечаток тянулся от щеки до щеки. Красные губы, налившиеся кровью, были сочно-бордовыми, не алыми, не розовыми. Они были неестественного цвета, словно покрашены помадой.

Первое, что он сказал, было:

– Прости, Вера. Я осознал. Я всё осознал. Больше никогда так не буду. Ты простишь меня, Верусик?

Я никогда не врала Пашке.

– Семьдесят один час, двадцать четыре минуты, пять секунд. Будешь ещё пожирать что-то в тайне от меня – наказание ужесточится.

Он скрыл лицо за ладонями и сматернулся.

– Верусик, что мне сделать, чтобы ты этого больше не повторяла? – нежно глядя меня по щекам и губам, спрашивает Пашка.

Я принялась разрезать верёвки на ногах, постепенно сгибая каждый его палец. Сначала на правой ноге, затем на левой. Потом согнула все пальцы сразу. Так нужно делать, чтобы избежать электрических разрядов, вызванных затеканием конечностей.

– Жрать то, что готовят, – сказала я. – А пока отдыхай. Со

временем получится.

Огуречный рассказ

Зайдите в комнату и закройте на ключ.

В ванную, в кухню, на балкон – неважно.

Главное, чтобы рядом не было

ваших детей.

Меня зовут Галя. Я пью только крепкий кофе без сахара.

Иногда я добавляю овсяное молоко и корицу, но тогда это

получается не совсем кофе. Если знаете, что такое молочный улун, то что-то похожее.

Я пишу картины в стиле импрессионизм. Но бывают моменты, когда я сминая завершённую картину, ломаю холст о колено и за несколько минут пишу неопрятный постмодерн, который занимает первое место на конкурсе рисунка и через месяц идёт на столичную выставку в Арт-хаус.

Я держу строгий деловой стиль в одежде. Чёрный низ, светлый верх. Волосы в хвост. Туфли на шпильке. Примерно три дня в неделю я ношу бесформенный голубой балахон и белые кожаные кеды с блестящими шнурками. На голове у меня то пучок, то две косички. Бывает и такое, что я крашу волосы в красный. К концу следующего дня они светло-розовые.

Я работаю в «Заре». В наш отдел заходит миллион покупателей. Им всем что-то надо.

Я люблю развешивать вещи на вешалки, но немного больше люблю складывать их на полочки.

Я полюбила сорокаминутные обеденные перерывы, оттого что почти научилась в них укладываться. Десять минут на туалет. Десять минут на «достать и разогреть еду». И двадцать – на то, чтобы посмаковать.

Обычно я беру на работу курицу с рисом и печёной тыквой, а иногда могу взять большой «Биг Тейсти» или «Шримп Ролл» в маркете за углом. Могу взять термос с горячим чаем

с лимоном и мёдом, а могу и не брать, потому что пью свежесваренный кофе.

Когда мне грустно, я курю «Мальборо». Когда весело, я стреляю сигареты у прохожих и составляю собственную пачку. Сейчас в моей настрелянной: три «кента» с кнопкой, один «Винстон» и один «Ричмонд». Разный калибр с разных мест.

Я никогда не ссорюсь с людьми, но меня почему-то называют рыжим Гитлером.

Я могу заснуть в метро и проехать пару станций, однако это меня не злит. Я, наоборот, рада, что организм отдохнул и готов к работе. В общем, моё правило – не раздражаться, если подводишь себя. Надо уметь создавать спокойствие и быть налегке.

А сегодня я снова пишу Денису эсэмэски и говорю, что хочу встретиться. Он отвечает, что ждёт моих фоток. Горячих и сладких, как какао.

– А если я не вышлю сегодня, – пишу я, – мы не встретимся?

Я обычно чувствую, когда он мешкает с ответом. С ним так сложно. Вечно у него какие-то загоны. На той неделе прислала ему фотографии, где я привязана скакалкой к кровати и полностью обнажена. А позавчера я слала ему пальчики в киске, вид снизу. Он попросил, чтобы мои ногти были лимонного цвета. Пришлось вечером с грязной головой бежать в магазин за лаком. Но именно лимонного там как

раз не оказалось. Я вышла из ситуации таким образом: нанесла два слоя белого лака, а сверху покрыла одним слоем ярко-жёлтого.

Вчера он получил мои фотографии в чёрном платье с декольте. Пришлось пойти в бутик, взять платье и направиться в примерочную, чтобы отснять перед зеркалом и скинуть ему.

Денис ещё ни разу не присылал мне «такие» фотографии. Именно свои. Понимаете, я у него, понятное дело, выпытывала. Он скидывал, но они были явно чужие. На них не его тело. Не его гениталии, не его торс. В воскресенье он прислал фото мокрых ягодиц из душевой кабины, а в среду – фотографию рук, сжимающих пенис. И знаете что? Цвет кожи на этих фотографиях был разным. Вот что. Я-то знаю его натуральный цвет. Знаю все вплоть до формы ногтей. Знаю цвет волос на лобке. Несмотря на это, я делала вид, что веду себя. Сама не знаю почему.

Я лежу пишу картину в комнате на полу. Лёжа у меня фантазия развивается куда лучше, чем сидя перед мольбертом. Денис тем временем написал, что не может отпроситься с работы и пойти на свидание.

Я написала, что пришлю фотки, после чего бросила карандаши и восковые мелки и направилась в ванную. Сняла домашнюю одежду и вот стою голая перед зеркалом, размышляя о том, чем же сегодня растормошить Денискину фантазию. Спустя считанные мгновенья я уже летела через

коридор на кухню и открывала дверь холодильника. Я вытаскивала средней толщины жёлтый спелый банан.

«А он мог бы пойти на хороший завтрак», – думаю про себя. Мчусь обратно в ванную, запираю дверь на защёлку, чтоб мама не зашла.

Я опускаю банан под струю воды в неглубокую раковину и намыливаю кожуру мылом «Ушастый нянь». С него даже не сходит грязь, он уже, наверное, был помыт до того, как поместился в холодильник. Но, в любом случае, не лишнее – помыть повторно.

Я ставлю телефон в угол, соединяющий стену и ванну, и присаживаюсь на корточки. Нажимаю кнопку «Начать запись» и контролирую, чтобы побежали секунды. Первая, вторая, третья. Записывается.

Я сосу указательный палец. Потом сосу остальные. Потом беру в рот банан.

Тонкими руками начинаю трогать грудь. Она у меня достаточно округлая и мягкая. Денис говорит, что мужчинам как раз нравится такая. Когда он её трогал, всегда это говорил. А я отвечала, что мне наплевать на то, что нравится всем. Мне главное, что ему нравится, вот что.

Денис разбудил меня в такую рань, что я перепугалась, не случилось ли чего. Текст на моём телефоне говорил следующее:

«Галя, это было выше всяких похвал! Как же сексуально

ты стонала и закрывала свои зелёные глаза, как же скользила руками по своему животу. Как ты вводила этот чёртов бананище в киску – да ты поражаешь моё воображение, Галина! Ты просто пожар. Я думать ни о чём не могу. О Галя, Галчонок ты мой».

Я ещё раз попросила Дениса сделать несколько фотографий и выслать мне. Он снова повторил обманку, и перед сном я увидела совершенно не похожий на предыдущие части тела по цвету, форме, качеству обнажённый загорело-подростковый торс.

Я подумала, глупо просить у него что-либо.

Сегодня на протяжении дня я чувствую себя обделённой Галей. Смотрю на время, на часы, которые показывают 2:07. Завтра на работу. Снова раскладывать чьи-то будущие вещи. Снова обедать рисовой крупой с печёной тыквой.

Я стояла у кассы и смотрела на стойку с новыми ремнями. Я думала, что чёрный из кождама стоит перевесить с видного места, а светло-бежевый и грязно-розовый, наоборот, повесить по центру. Вдруг послышался знакомый кашель и запах шалфея. Денис стоял передо мной, держа рубашку цвета хаки из последней коллекции в руках. Он передал мне маленький бумажный конверт, на котором мелькали буквы, выведенные его почерком. Я опустила под стол и убрала его в сумочку, подошла к Денису и чмокнула в щеку.

– Это тебе, – произнёс он. – Откроешь, как будешь дома. Но я не нашлась, чтобы сказать спасибо или спросить, что

же там.

Я обратила внимание, что засос на его шее ещё не прошёл. С тех пор, как мы последний раз занимались сексом, прошло пять дней.

Дома я вскрыла конверт. В нём оказалось несколько пяти тысячных купюр, а текст гласил, что я могу потратить их, как захочу. «Только не спусти в букмекерской конторе», – было выделено жёлтым маркером.

Сегодня Денис видел мои фото, на которых огурец входит в моё небольшое влагалище. Он был такой влажный, что я вообще не думала об огурце как об огурце. Перед тем как начать съёмку, я достала огурец с балкона, где им был пройден курс двухдневной сушки после окрашивания бежевыми, близкими к цвету слоновой кости, красками. Я попыталась с одного конца изобразить тёмно-розовым цветом что-то похожее на головку полового члена. Для того чтобы она была похожа на настоящую, я открыла свой старый учебник анатомии и всё детализировала, оттеняя и перекрывая. Во время съёмки я переживала, что влага размочит краску, но переживания оказались напрасными. Укрепитель красок не подвёл.

Когда я ехала с Денисом по городу и рассказывала об идее перевоплощения огурца, он положил руку на моё колено, слегка ущипнул, а потом крепко затянулся сигаретой и заметил:

– Какая ты у меня находчивая, Галчонок!

Табачный дым окутал моё лицо, и я закашляла.

Сегодня ночью меня замучила бессонница. Вдохновение так захватило, что если бы я легла, то всё равно лежала б, не смыкая глаз от назойливых мыслей.

То, что было в голове, я пыталась в истерии воплотить на холсте. У меня не было намерения отправить картину в Арт-хаус. Я писала исключительно ради успокоения души. Кто знает, быть может, так делают настоящие художники? Да только вот кто определил все эти критерии «настоящести»? Очередная грань морали. Замечаю, что людям трудно её перешагнуть.

На моей картине, как и в моей жизни, нет ни ярких, ни тёмных красок. В ней нет ни стандартов, ни оговорок. На неё не действуют критерии, принятые в мире искусства. Возможно потому, что эта картина сама задавала их. Так может получиться у каждого из нас. Зачем расставлять тупые границы?

Вчера мы с Денисом занимались сексом несколько часов подряд. Я была у него дома, мы закрылись в комнате, и он начал с ног. Он обсасывал каждый мой палец. В отличие от него, я считаю футфетиш грязным делом, и мужские ноги для меня остаются табу, даже надраенные с мылом и намазанные лучшими кремами.

– Почему ты шлешь мне чужие фотографии? – вырвалось у меня в тот момент, когда большое тело Дениса находилось между моих ног.

– Потому что я хочу позлить тебя, Галчонок.

Я в шутку назвала его грязным шимпанзе.

В порыве страсти Денис порвал мой бюстгальтер пополам. Одна чашечка в одной руке, вторая – в другой. Я стою, глаза на мокром месте. А он смеётся, держа эти чашечки.

– Сейчас Машкин тебе дам.

Мы перебрали весь комод и нашли красивый белый кружевной бюстгальтер.

– Как хорошо, что у нас с ней одинаковый размер! – с облегчением в голосе говорю я.

Машка – любовница Дениса, почти его ровесница, и меня её существование ничуть не злит. Скорее, наоборот, я искренне рада, что в жизни Дениса есть разнообразие и динамика.

А сегодня мою картину снова отправили на уличную выставку в Арт-хаус. Кажется, когда не особо стараешься, выходит то, что нравится людям.

Денис не смог побывать на этой выставке, но позвонил, чтобы поздравить.

– Галчонок, ты лучшая! Ты молодец! Я тобой горжусь! Моя самая талантливая девочка.

И что-то внезапно вонзилось мне в память. Как будто острый нож из прошлого, до сегодняшнего дня не принятый и не желающий раствориться. Мне вдарили в память школьные годы. Я была выпускницей и стояла на школьном крыльце в персиковом длинном шёлковом платье. Было так жарко, что корсет прилипал к спине. Казалось, будто внутри всё

хлопает. Я вспомнила слёзы радости на распаренном лице. Денис подошёл ко мне, держа в руке красный аттестат, который я дала ему подержать, пока фотографировалась с одноклассницей. Я вспомнила, как он положил руку на моё нарядное плечо и нежно сказал, что у него лучшая дочь на свете.

Рассказ Кирилла

Для кого-то ноги – лишь средство передвижения. Редко встретишь недовольных одной из своих ног, скорее – обеими сразу. Ноги, они как уши. Если уши торчком, это называется лопухость. В таком случае ты носишь длинные волосы либо ложишься под нож. С ногами покруче. Если они кривые или не такие длинные, как у твоих красавчиков-друзей, ты приходишь в клинику и расписываешься в согласии на вживление аппарата Елизарова.

Когда девушки идут по улицам, они не обращают внимания на ноги парней. Обычно, если им в лицо не бросилась улыбка, оснащённая белоснежными ровными зубами, широкие спортивные плечи, мощные как горный рельеф, – они отмечают его.

На твои ноги будут пристально смотреть, если ты проко-

выляешь на костылях.

Я стоял в примерочной, в то время как продавщица с бейджиком «Светлана» приоткрыла занавеску и подала чёрные брюки на размер меньше. Я взял скинни с завышенной посадкой. Носки, натянутые выше, чем надо, оставляли небольшой участок бледной кожи открытым. Я замер, смотря на отражение в зеркале. После чего достал телефон и щёлкнул себя. Потом повернулся боком, так, чтобы левая нога вышла на первый план. Я щёлкнулся на телефон ещё раз. Повернувшись другим боком, я опять щёлкнул себя. Потом я повернулся спиной к зеркалу и, немного наклонив камеру, вновь щёлкнул.

Я стоял в примерочной и пролистывал фотографии, пока «Светлана» с кем-то болтала, прижавшись к моей дверце.

Этот день был решающим в моей жизни. Я уволился не по зову сердца, а против него. Сегодняшнее увольнение никак отмечать не собираюсь, ведь я не освобождаю себя, а сковываюсь ещё больше. Я как бабочка, обратно сворачивающаяся в кокон.

Слова Лизы, хотя мы как четыре месяца находимся в официальном расставании, но они, мать вашу, драли меня изнутри, как облезлые кошки. Я должен быть решительным. Самое главное, что я с ней во всём согласен. Буквально во всём. Она оказалась на редкость внимательной и умной. Она оказалась единственным «настоящим» человеком в моей жизни.

Человечные дела исходят от тех, от кого их совсем не ожидаешь.

Уже дома я достал из пакета обновку и немедленно, отложив все запланированные дела, надел длинные чёрные штаны. Пуговица начиналась на несколько сантиметров выше пупка, что не могло не радовать.

Мой рост метр восемьдесят три. Мои ноги – целых три четверти меня.

Если вы прошли мимо красивого молодого человека и обернулись, значит, у него красивые глаза и ровный нос. Возможно, вас зацепили его густые, кустистые брови. Быть может, выпирающий волевой подбородок и широкие скулы так приковали интерес. Безумные татуировки над бровью и верхним веком. Колечко в носу. Потом подружки станут с интересом слушать о том, как вы описываете внешность своего идеала, запредельного красавчика, мачо из самых пошлых снов. И вдруг какая-нибудь Маня задаст вопрос: «А какие у него ноги?»

Когда мы с Лизой расставались в очередной раз, понимая, что спустя месяц вновь сойдёмся, она собрала вещи и умотала к родителям, но забыла удалить один интересный файл на ноутбуке, носивший название «Д. Л.», что, вероятнее всего, означало «Дневник Лизы». Судя по содержанию, я начал сомневаться в её адекватности и счёл до ужаса глупой.

Знаете, мир развернулся совершенно не тем боком. Теперь на то, каким телефоном владеет парень, обращают вни-

мание в тысячу раз больше девушек, нежели на то, какой мозг скрывается под черепной коробкой. Есть ли у парня белые беспроводные наушники? О, если да, то такой, определённо, по душе.

Я даю прикоснуться взглядом к своей интимной зоне. Чем сильнее открываешься, тем доступнее. По этой причине многим парням нравятся длинные юбки и водолазки на девушках. Распущенные волосы, скрывающие маленькие, аккуратные ушки с миниатюрными гвоздиками или колечками.

Пока кто-то налаживает улыбку перед зеркалом, покупает дорогой смартфон, диагностирует тачку за пять миллионов рублей и обтягивает сиденья меховыми и кожаными чехлами, я подворачиваю правую штанину. Затем левую. Окидываю себя оценивающим взглядом и выметаюсь на улицу.

Девушки проходят мимо. Я даже не пытаюсь никого завлечь. У меня довольно неприметная внешность. Кожа тонкая и бледная, глаза светло-зелёного цвета. Нос с небольшой горбинкой, скорее, капельку смещённый вбок, нежели прямой и аккуратный. Волосы светло-каштановые, немного гуще, чем среднестатистические. Повод для гордости, ведь у нас в семье по мужской линии практически у всех появилась лысина к тридцати. Ощущение, что деды, дядья и братья пожертвовали шевелюрой ради меня.

Я ровно чеканю шаг, внимательно обходя лужи и выбоины в асфальте. Правая нога. Левая нога. Сорок четвёртый

размер. Каждый ботинок вычищен и отполирован. Я шагаю широкими шагами, постепенно ускоряясь.

Дневник Лизы начинался резкими, обидными словами. В нём было практически всё обо всех, но больше всего – обо мне.

Первая и вторая страницы говорили: «Сколько можно повторять, чтобы Киря наконец бросил эту грёбаную работу...»

«Я устала ждать его по семнадцать часов».

«Он не заметил, что я подстригла чёлку».

«Охранник в “Перекрёстке” – лови волну перспектив и богатства...»

В нём каждая строчка начиналась с фраз: «Кирилл не видит своей красоты...»

«Кирилл опять вышел на работу и вернулся под утро, а завтра две смены подряд будет вкалывать за тысячу четыреста и спать в охранной будке как бесхозная псина...»

Письменные вопли Лизы хлестали меня по щекам, как ватную куклу. Я чувствовал, что виноват. Я внушал себе, что недостоин такой девушки. Рано или поздно, она должна была от меня уйти.

Четыре месяца назад мы расстались. Но скоро, кажется, сойдёмся. На этот раз уже навсегда.

Я сажусь на лавочку и достаю телефон, включаю камеру, вытягиваю руку над головой. С ракурса сверху вниз делаю несколько кадров, меняя положение ног. Сперва они вытя-

нуты вперёд, затем смотрят носами наверх, ступни напряжены. Потом подошва прижата к подошве. Последний ракурс – поза нога на ногу.

Я просматриваю последние кадры и задумываюсь о превосходном сочетании покрытого льдом асфальта и чёрных ботинок с торчащими носками. Чёрная обувь, белый носок, бледная кожа, подвёрнутые штанины. Неподражаемая классика, минимализм. Духовная гармония. Это то, что не объяснишь первому встречному.

«Дневник Лизы» стал моим постоянным чтивом. В течение месяца я приходил с работы и наливал огромную кружку горячего чая с бергамотом. Я садился возле монитора и штудировал всё, что напечатала её нежная рука. Почти через каждую страницу повторялось:

«Кирилл родился не для того, чтобы стоять в отделе алкогольной продукции и ждать, пока какой-нибудь Иван Иванович спиздит бутылку дешёвого коньяка, спрятав в карман дырявой, пропахшей нафталином фуфайки».

Чередующиеся огорчения. Уместные сравнения. Нервные срывы. Всё это словно кардиограммой выбито на страницах и сохранено на рабочем столе. Она будто жила на сменах вместе со мной и как призрак маячила по складским коридорам.

Я представлял эти красные, заплаканные глаза и маленький накрашенный ротик, из которого вылетают крики:

«Кирилл совершенно перестал ублажать меня. От него

давно не веет сексуальностью. Он так оскудел, что я забыла что значить ревновать его».

Я знал, что у меня имеется подходящий рост, длинные изящные ноги, правильная осанка, гибкие тонкие руки. Но я с детства игрался в солдатики, машинки и сабли. Я впервые попробовал курить, когда мне было шесть, а напился в тринадцать. Меня называли безалаберным, дерзким, беспризорным бродягой.

«Начать – самое сложное».

«Дневник Лизы» твердил одно. Люди, знающие меня с детства – другое.

Неужели третьего не дано?

«Если бы он только знал, сколько фотографов выстроилось бы в очередь ради одной его фотографии в портфолио, он бы мигом уволился».

Самое страшное, что я понимал Лизу. Читал и кивал. Понимал каждую мысль, но снова выходил на работу. Каждое утро новой смены я вставал в четыре утра по будильнику, ронял бутерброд на липкий пол спросонья, поднимал и плотно набивал желудок.

«Начальство не выдавало премию охранникам уже второй месяц подряд. Кирилл говорит – проблемная бухгалтерия».

Однажды я расспросил сменщика о своих ногах. Спросил, смог бы я быть моделью с такими пропорциями.

Под воздействием мыслей о написанном в «Д. Л.» я опро-сил человек пятнадцать. Почти все сказали, что у меня име-

ются модельные задатки.

Страница за страницей, двести шестая, двести седьмая:

«Боже, если бы он знал, как сильно я его люблю! Я так не хочу, чтобы он пропал. Я не вынесу, если он будет выполнять работу ради двадцати двух тысяч рублей».

В тот день, когда я это прочитал, меня оштрафовало начальство. Я на три минуты дольше положенного пробыл на обеденном перерыве. Не успел выйти на пост, как старший охранник магазина делает выговор, и я узнаю, что оштрафован на тысячу рублей.

Тысяча рублей – минус два похода в кино.

Тысяча рублей – минус новая толстовка.

Тысяча рублей – минус тридцать поездок на метро.

И так продолжалось какой месяц подряд. Какой месяц – одни и те же действия. Геолокация – прежняя. Меняются только мысли. Их становится всё больше и больше, а по качеству они всё хуже и хуже.

Час – контроль входа. Час – алкогольный отдел. Час – дебаркадер. Час – камеры наблюдения. Час – сходить в туалет и пожрать. Ты похож на разварившийся пельмень. Ты вымок и расслаиваешься по швам, а твоя начинка вываливается наружу.

Мой мозг прогрыз «Д. Л.» Каждое слово лупасило мою чугунную голову, а я лишь кивал как баран. Не было ни одного слова, с которым бы я не согласился.

На одной из страничек я выделил текст красным и вставил

курсивом меж Лизиных строк:

«Как ты права, маленькая».

Я пристально рассматриваю в зеркале отражение божьего творения. Свои ноги.

Я снял штаны и встал на фоне серых обоев. Должно быть, «ноги кормят» – фраза про меня.

Я сделал несколько кадров и обрезал фотографии до уровня колен. На подсознательном уровне я всегда знал, что в эстетике мужских ног что-то есть. Как же Лиза оказалась точна!

Строки «Д. Л.» бегут, не останавливаясь и не прерываясь ни пробелами, ни столбиками, ни таблицами, ни отступами. Всё было написано так, словно ей плевать на аккуратность и красоту слога. Размер шрифта был на восьмёрке, отчего пришлось, выделив текст, увеличивать до шестнадцатого. Строка за строкой. Кажется, мысли в голове обгоняли её физические способности в несколько раз.

«Какого хера он работает на вшивого, злого, мерзкого мужлана? Этот гад в предоргазменном экстазе скорчится при виде Кирилла на своих идеальных ногах. Он растопчет всех своими остроносыми ботиночками».

Ярость Лизы вполне объяснима. Если б не моё стеснение, лень и мысли о ненужности, всё было бы так, как она хочет. Как мы вместе хотим. Но по ночам я убеждал себя в том, что охранник – не такая уж отвратительная работа, если подумать.

Час на проверку сумок покупателей, вызывающих подозрение. Полчаса на допросы уличённых в краже в предкассовой зоне. Ещё полчаса на изъятие и списание награбленного. И пятнадцать-двадцать минут на установление личности и целей совершения кражи, составление протокола и прочие манипуляции.

«Кирилл вернулся под утро. Это едва можно назвать возвращением. В одиннадцать ему снова УХОДИТЬ».

«Мы почти не виделись за этот месяц».

Утрата сексуального влечения, разные города, разлука, спровоцированная рабочим графиком – основные причины расставаний большинства пар.

Потратив двадцать минут, я сделал тридцать девять кадров. Ноги. Сплошные ноги. Он пяток до пояса. В штанах, трусах и голый, с прикрытыми листом А4 гениталиями. Когда делаешь фото обнажённых ног, необязательно пытаться сделать их сексуальными.

В детстве обо мне ходило много слухов. Даже для самых отпетых малолетних хулиганов общение со мной было поставлено под строжайший запрет. Я был выпачкан в грязи, дерьме и от меня пахло пожарищем. Старым промокшим табакком.

Однажды мы с пацанами нашли потерявшегося кота соседки. Мы закрыли его в подвале, а сами позвонили в дверь, прихватив большую коробку из-под ёлочных игрушек. Анне Ивановне рассказали о найденном Снежке.

С тех пор каждый раз после встречи со мной пацаны получали тумачи от родителей. Мы накидали рыбных, куриных, говяжьих костей, полили красной гуашью и накрыли старой, потёртой, разрезанной на куски меховой шапкой моего бати. Этот реквизит исполнил роль Снежка.

И теперь – в обход этого всего – я предстану моделью ног?

Что подумают мои парни? Чёрт возьми, они назовут меня обсосом. Неужели голос Лизы так близок к моему собственному, что я колеблюсь между выбором «самоуничтожения» и «перерождения».

Я цепляюсь за ветер из открытого окна, словно рыба, пойманная на крючок, пытается дотянуться до капли воды. Мои голые пятки замёрзли, стоя на ледяном паркете. Небольшая наледь образовалась на подоконнике. Холод повсюду. В доме, на улице. Но больше всего – холод у меня на душе.

«Я триста раз умоляла его никого не слушать... Триста раз твердила о том, что в обществе нет поддержки. Хочется иногда просто треснуть по морде эту ленивую, неуверенную дрянь».

Во время погрузки я засыпал. Дни и ночи летели, испепеляя возможность начать работать своими силами ради нашего с Лизой блага. Я зажмуривал глаза и резко открывал, чтобы сон не сморил меня. Каждый вечер пятницы, субботы и воскресенья мы с моими сменщиками вытаскивали пару бутылок водки со склада. Мы не могли работать в такой скверной обстановке.

Мы брали ананасовый сок и керамические кружки из-под чая. В нашей камере с камерами наблюдения, где на сотнях экранах транслировалась жизнь каждого отделения супермаркета, мы по очереди разводили пятьдесят на пятьдесят. Водка и сок. Пока часовое чередование не окончится. Бутылка стояла в моём портфеле с одеждой, завёрнутая в шапку с логотипом ЦСКА. Нашу камеру камеры наблюдения не отслеживали. Туалеты и столовую – тоже.

«Кирилл, чёрт бы его побрал, вернулся утром вонючий, как бомж. Мерзкий запах перегара и засохшие слюны на щеке. Где, как не на своей расчудесной работе, угораздило его так наклюкаться?..»

Отрывки из «Дневника Лизы» ели мой мозг, и, стоя на входной точке, я упускал мелких ворюшек, выносивших женскую краску для волос, сыр тофу и куриные ножки гриль. Чёртова работа раздражала всё больше и больше. Почему я должен охранять этот долбаный магазин, как дом родной? Вцепляться в каждого, кто мало-мальски способен на кражу. Да все мы на нее, блядь, способны.

Лиза четыре месяца ждала от меня действий. Но сегодня я раз и навсегда порвал с работой. Сегодня я спешу получить ответ. Отзыва, рецензии на мои фотографии, высланные ей по почте.

Тогда, ожидая Лизиних шуточек и колких замечаний – что и где надо удалить, в какой мере подправить – я содрогался от страха быть неверно понятым и отвергнутым.

Что скажут мои пацаны, мама и папа, мой старший сводный брат и Лизины родители?

Мысли о перемене фамилии и места жительства не отступали. Меня коробили детские воспоминания. Напрасная служба в железнодорожных войсках и присужденные грамоты за верность и преданность Отечеству. Хорошая репутация и авторитет со всех прежних мест работы. Будь то продавец-консультант в «Эльдорадо», где я хоть и вкалывал по тринадцать часов за зарплату в тридцать две, но люди никогда не гнобили меня. Будь то курьерская доставка пиццы и японских роллов. Зарплата колебалась от двадцати до сорока в месяц, что подняло меня по социальной лестнице, и два раза я мог позволить выбраться с Лизкой в элитную гущу, вкусить крепкого импортного алкоголя и подрываться под техно у диджейской стойки.

«Я всегда ему говорила, чтоб шёл туда, куда тянет. Если он хочет сказать, что охранять тупой супермаркет от мелких краж и лизать обувь дядюшке-директору – это то, куда его тянет, то пусть не обманывает меня, а укажет на дверь, и я уйду, не обернувшись».

«Дневник Лизы», пропитанный слезами и переживаниями, делал мою рабочую среду неспособной к существованию. Люди, которые злятся, если вежливо просишь их раскрыть неубранный в камеру хранения пакет, сменщики, начальство. Их корона, кажется, упирается в потолок. Поиск объекта унижения с утра до следующего утра – суть их ра-

боты.

«Его ноги, от стопы до бёдер, – пишет Лиза, – эталон мужского достоинства. Будь я обладательницей длинных тонких ног, ни один модельный журнал не дал бы мне возможность избежать сотрудничества. А Кирилл лучшие годы просаживает в ЧОПе».

Слёзы, текущие ручьями по подушке. Строки, выплеснутые причиной этих слёз.

Сегодня у меня заказывают серии фотографий по шесть-семь раз за день. Иногда я могу час или два сидеть возле дома на лавочке с книгой в руках. За плечами рюкзак, в котором телефон и зарядное устройство, пара книг и наушники. Порой я забегая в ресторан и заказываю любимую пасту «болоньезе» с крепким эспрессо и более ни о чём не думаю.

Я трачу столько времени на обед, сколько захочу. Сегодня я потратил полчаса, а завтра могу отложить работу и занять обедом весь день. Всего каких-то два месяца дали моей прежней жизни увесистого пенделя под зад. Всё, чем я работал, чем жил до – растворилось в кошмарном сне. Весь свет вылился наружу, как только я закрыл глаза на глупые предрассудки и страхи опозориться перед людьми.

Фотографии моих ног. Очереди постоянных клиентов уже просят добавки. Они говорят:

«Кирилл, когда будет готова новая серия?»

«Кирилл, успеешь отснять заказ до двадцатого февраля?»

«Кирилл, сделай новогоднюю серию для моей домашней

галереи. Пусть ноги будут обклеены снежинками. Заплачу в двойном размере, и, пожалуйста, до понедельника, до понедельника, дорогой!»

Любители классической школы просят делать с ногами не очень интересные темы, но предлагают высокие суммы. Экспериментальщики же, наоборот, требуют интересных задумок, но средства предлагают мизерные, за какие работать нет стимула.

Как-то раз один озабоченный клиент спросил меня, смогу ли я отснять серию откровенных фотографий:

– Добавь эротики, миленький мой. Например, сделай фото, на котором ты дронишь чей-нибудь член. На другом фото покажи ноги в сперме. Придумай, мой золотой.

Когда он договорил я представил, КАКИЕ это деньги. И вы думаете, я сказал ему «идите лесом»?

Я пригласил в гости приятеля-соседа. Накрыл на стол, выставил две бутылки пряного «Моргана». И когда нам было всё по плечу, когда мы перешли на разговор о мохнатках, оральном сексе и мастурбации в детском возрасте, тогда я говорю. Говорю, что, если хочет заработать денег, должен сходить подروحить свой причиндал, и когда он примет форму твёрдой морковки, я обхвачу его ступнями и сфотографирую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.